УДК 340.123
DOI 10.24411/2311-603X-2019-00064

И. В. Олимпиева

Особенности процесса обучения и воспитания в Императорском Училище правоведения

История Императорского Училища правоведения не столь продолжительна, как других учебных заведений, готовивших юристов. Оно просуществовало всего 80 лет. За это время училище окончили около 2580 правоведов. Среди них были и чиновники, достигшие высоких государственных постов, и скромные труженики судебного ведомства. Были и те, кто не связал свою жизнь с юриспруденцией, а прославил Россию на других поприщах. Но лучшие качества, которыми обладали воспитанники, были привиты им в училище.

Полный курс обучения в училище продолжался сначала шесть, а по Уставу 1838 г. увеличился до семи лет, и разделялся на приготовительный (гимназический) и окончательный (юридический). В научной литературе высказывалась мысль о том, что Училище правоведения не являлось высшим учебным заведением, поскольку его программа отличалась от университетского курса и количеством преподаваемых предметов, и часов, отведенных для их изучения[1]. Однако это утверждение является спорным.

По мысли создателей и в соответствии с Уставом 1835 г., училище создавалось для «образования юношества на службу по части судебной» (§ 1). Следовательно, в соответствии с целью создания, помимо общих предметов в училище преподавались дисциплины, необходимые воспитанникам в их дальнейшей службе в судебном департаменте (§ 4). Поскольку в училище готовили юристов-практиков, то и программа должна была носить практическую направленность. Программа университетов не отвечала данным требованиям. При открытии высших классов попечитель и основатель училища

принц Петр Ольденбургский не нашел подходящей программы, и поручил составить «руководства для практического изучения российского законоведения» сенатору Межевого департамента Правительствующего сената тайному советнику П. И. Дегаю. Консультировал П. И. Дегая по просьбе принца М. М. Сперанский[2].

Согласно Уставу 1835 г., в старших классах преподавали: энциклопедию правоведения, историю правоведения, римское законоведение, практическое судопроизводство (§ 28). По Уставу 1838 г. этот перечень был расширен. Параграф 14 нового Устава предусматривал преподавание таких юридических дисциплин, как государственное право, гражданское право, межевые законы, уголовное право, судебная медицина и местные или провинциальные законы, законы финансовые и полицейские с предварительным изложением политической экономии, сравнительное законоведение. Если провести сравнительный анализ с представленным в 1833 г. в Комитет устройства учебных заведений расписанием кафедр в университетах, то в училище преподавались все те же предметы, что и в университетах, за некоторым изъятием. Так, помимо вышеперечисленных, на юридико-политическом факультете С.-Петербургского университета преподавали всеобщую теорию права и методологию юридико-политических наук, а в Московском университете «Начала общенародного правоведения»[3], т. е. теоретические предметы, изучение которых отвлекало бы воспитанников от освоения дисциплин, необходимых для их будущей профессиональной деятельности. Эта мысль была сформулирована одним из бывших воспитанников: «...в науке о мудрости нужды не чувствовалось. Ощущалась великая потребность в честных, развитых, неподкупных судебных деятелях, и Училище правоведения давало их щедрою, открытою рукою»[4]. Правда, другой воспитанник упрекал Училище в недостаточном юридическом образовании, указывая, что из его стен вышел только один правовед (К. П. Победоносцев), занимавший впоследствии университетскую кафедру[5]. В своем письме министру просвещения попечитель принц Александр Ольденбургский в 1899 г. упоминает еще о трех воспитанниках, успешно сдавших экзамены в испытательных комиссиях в университетах и связавших свою жизнь с научной деятельностью. Это профессор Варшавского университета В. В. Есипов, окончивший училище в 1888 г., его однокурсник доцент Ярославского Демидовского лицея В. А. Юшкевич и И. Д. Мордухай-Болтовский, блестяще сдавший экзамены в Санкт-Петербургском университете и получивший предложение готовиться к профессорской деятельности[6]. Однако следует учитывать, что училище не ставило своей целью готовить юристов-ученых. Его задача заключалась в подготовке кадров для судебной системы, в которых остро нуждалась Российская империя.

Есть еще одна особенность, отличавшая училище от университетов. В нем юриспруденцию начинали изучать в более раннем возрасте по сравнению с университетами. Первоначально в училище принимались юноши в возрасте от 12 до 17 лет, по Уставу 1838 г. верхняя граница возраста кандидатов была

снижена до 15 лет. И Совет училища, и многие правоведы считали, что незрелость воспитанников при изучении предметов юридического курса оказывала негативное влияние на усвоение ими учебного материала. Поэтому по инициативе совета в целях усиления юридического образования и для того, чтобы воспитанники, переходящие в специально-юридический курс, достигли 17 лет, возраста, ниже которого по Уставу университета был запрещен прием в студенты, Указом Правительствующего сената от 10 декабря 1864 г. были внесены изменения в § 24 Устава. Согласно им, в 7-й класс принимались лица не моложе 13 и не старше 15 лет.

Составляемые в училище программы преподаваемых дисциплин разрабатывались с учетом профессиональной направленности и с соблюдением связи между младшими и старшими курсами, чтобы программа представляла собой «правильное целое в постепенном развитии предмета»[7].

Практическая направленность преподавания оказывала влияние и на подбор профессорско-преподавательского состава. Преподавателей-практиков особенно ценили, и чтобы заинтересовать, их стимулировали, в том числе и материально. Так, в 1876 г. на службу в училище приватным преподавателем уголовного судопроизводства поступил вице-директор департамента Министерства юстиции (бывший прокурор С.-Петербургского окружного суда) А. Ф. Кони, который не имел высшей ученой степени магистра и доктора и мог рассчитывать на денежное содержание, соответствующее доцентскому окладу, т. е. по 150 р. за годовой учебный час. Однако, принимая во внимание «общеизвестность, необыкновенную опытность и глубокие сведения по уголовному судопроизводству», А. Ф. Кони было назначено содержание экстраординарного профессора в размере 250 р. за годовой час[8].

Для того чтобы обогатить знания воспитанников в области судопроизводства, в училище приглашались и профессора других учебных заведений. Так, в 1912 г. в нем в течение пяти дней читал лекции профессор Лозаннского университета Р. А. Рейсс о технических методах судебного расследования[9].

И, по воспоминаниям воспитанников, теория шла рядом с практикой. Так, при преподавании межевых законов воспитанников знакомили с работой межевщиков и землемеров при проведении границ владения и деления земель на участки. При изучении судебной медицины воспитанники посещали морг Мариинской больницы, где наблюдали за процессом вскрытия трупа[10].

Для практического преподавания из Министерства юстиции и архивов присутственных мест в училище поступали решенные дела (§ 150 Устава 1838 г.). Так, по просьбе попечителя и с разрешения министра юстиции в училище доставлялись дела из судов совестного, надворного, уездного, Правительствующего сената, оконченные производством 5 лет назад[11].

Много критики со стороны Министерства просвещения вызывал гимназический курс училища, изучаемый в 7-м, 6-м, 5-м и 4-м классах. Это было вызвано тем, что программа курса не совпадала с программой гимназий Ми-

нистерства просвещения. Прежде всего это касалось преподавания русского, латинского и греческого языков. Первые два языка читались в объеме меньшем, чем в гимназиях, а последний не изучался совсем. После введения Устава гимназий 1871 г. в Училище началось преподавание греческого языка, которое продолжалось до 1894 г., когда Совет училища пришел к выводу, что вместо двух мертвых языков следует больше внимания уделить изучению русского, французского и немецкого языков, а также истории[12]. Отсутствие в программе латинского и греческого никак не отражалось на профессиональном образовании, но мешало желающим поступить в университеты, поскольку в соответствии с решением Министерства просвещения воспитанники допускались в университет только после сдачи при одной из гимназий экзамена по трем языкам — русскому, латинскому и греческому[13].

Прием в училище в соответствии с Уставом 1835 г. (§ 19) осуществлялся с 1 мая по 1 июля. На каждый учебный год устанавливались «Правила приемного испытания», которые с течением времени менялись мало. Согласно этим правилам, в определенный день кандидаты, вызванные особыми извещениями, являлись в образовательное учреждение, сообщали о месте своего жительства и получали разрешение явиться на испытание.

Кандидат вместе с прошением о приеме представлял документы, подтверждающие его дворянское происхождение, свидетельство о крещении, свидетельство о состоянии здоровья и привитии оспы (§ 19 Устава 1835 г.). Дворянское происхождение принц П. Ольденбургский считал залогом честного отношения к последующей государственной службе. Маловероятно, что речь шла о материальной обеспеченности дворян, поскольку в училище принимали как своекоштных, так и казеннокоштных воспитанников. Для поступления на казеннокоштные вакансии необходимо было представить свидетельство о недостаточном состоянии. Например, отец будущего обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева подал прошение об определении своего сына в училище на казенное содержание, поскольку не имел никакого имущества, кроме трех крепостных и небольшого деревянного дома и получал пенсию 336 р. 24 к. в год[14]. Прошение о поступлении в училище будущего председателя Совета министров И. Л. Горемыкина подавал его дед, отставной капитан, который просил поместить внука Ивана на казенное содержание в связи с недостаточностью средств[15]. Имение, которым владели Горемыкины в Новгородской губернии, дохода не приносило. Доход получали лишь от продажи льна, около 500 р. в год[16].

Как вспоминал воспитанник К. Арсеньев, будущий известный в России присяжный поверенный, отцы воспитанников в основном были помещики средней руки либо чиновники, «более или менее крупные по чину, но не по занимаемому месту»[17].

В правовом статусе казеннокоштных и своекоштных воспитанников наблюдались некоторые отличия. Во-первых, казеннокоштные воспитанники

не могли до окончания курса оставить училище, во-вторых, они обязаны были отслужить по Министерству юстиции 6 лет, а своекоштные, по Уставу 1835 г. — 6 лет, по Уставу 1838 г. — 4 года, а потом эта обязанность для своекоштных воспитанников и вовсе была отменена.

Экзамен проводился в присутствии директора, инспектора классов, одного члена совета и секретаря совета, и двух преподавателей по соответствующему предмету. На экзамене мог присутствовать родитель или другой родственник. Экзамен проводился письменно. Получив билет, громко озвучив содержащиеся в нем вопросы, кандидат записывал их в тетрадь. Под каждым ответом испытуемый подписывал свою фамилию. Ошибки, сделанные кандидатом, подчеркивались красными чернилами. Оценки выставлялись комиссионно всеми присутствующими на экзамене. После окончания приемного экзамена тетрадь экзаменующегося могла быть показана родителям[18].

Правда, из любого правила существовали исключения. По воспоминаниям воспитанника В. В. Стасова, отец которого перестраивал здание училища, для него экзамен был устроен дома у директора в присутствии членов Совета. По сути, экзамен был чистой формальностью[19].

Для «облегчения родителей в приготовлении детей» для поступления в училище в 1847 г. открыт приготовительный класс, который располагался недалеко от Фонтанки на Сергиевской ул., 12. В приготовительный класс ежегодно принимали до 40 детей российских дворян, внесенных в 6-ю часть родословной книги, а также сыновей военных чинов не ниже полковника или гражданских не ниже 5-го класса или статского советника в возрасте от 8 до 12 лет с платой 450 р. серебром в год для всех. Содержание пансионеров за счет казны не предусматривалось. В приготовительном классе преподавали: закон Божий, языки русский и славянский, латинский, французский, немецкий, всеобщую историю и географию, а также чистописание, рисование, танцы, музыку и гимнастику. Срок обучения длился один год. Экзамены проводились так же, как и в Училище, — в присутствии директора, инспектора классов и преподавателей.

В училище была установлена 12-балльная система оценки знаний. В соответствии с «Инструкцией о способе оценки успехов» существовало 7 степеней оценки успеха. Первая степень — отлично хороший успех — 12 баллов, вторая степень — весьма хороший успех — 11 и 10 баллов, третья — хороший успех — 9 и 8 баллов, четвертая степень — успех удовлетворительный — 7 баллов, пятая степень — посредственный успех — 4 и 3 балла. Седьмая — весьма худой успех — 2 и 1 балл[20].

По Уставу 1835 г. каждые полгода воспитанники проходили частичные экзамены в присутствии попечителя и директора, а по окончании учебного года — публичные испытания (§ 31). Видимо, нагрузка на попечителя и директора была значительной, поскольку из Устава 1838 г. это положение было изъято. Так, например, по окончании 4-го класса воспитанники сдавали 14 предметов: закон Божий, русский язык, латинский, язык, немецкий, французский, исто-

рию, статистику, геометрию, алгебру, логику, пропедевтику, римское право, физику, естественную историю. По результатам сдачи экзаменов выставляли средний балл. Например, в 1836 г. минимальный балл составил 9, максимальный 11. В 6-м классе результаты были несколько хуже. Сдавали 9 экзаменов. Средний балл колеблется от 11 до 5. Для перевода в старший класс необходимо было набрать 7 баллов. Устав 1835 г. не определял, что происходит с воспитанниками, набравшими меньшее количество баллов. Можно предположить, что их оставляли на второй год, поскольку § 34 Устава 1835 г., содержал указание, что воспитанник после двухлетнего пребывания в одном классе, если не сдаст экзамены, исключается из училища. В отличие от прежнего, Устав 1838 г. уже содержал положение, в соответствии с которым воспитанники, не выдержавшие экзамена, в следующий класс не переводились, а оставались для прослушивания повторного курса (§ 23).

Отсутствие контроля со стороны руководства Училища за проведением экзаменов иногда создавало почву для злоупотреблений со стороны преподавателей. Отмечались случаи, когда воспитанники отвечали на «помеченные» билеты, или оценки явно завышались (всему классу выставлялись высшие 11–12 баллов).

Кроме обязательных экзаменов по Уставу 1835 г. (§ 33) директор и попечитель могли проводить частичные испытания по собственной инициативе. В начале существования училища аттестация воспитанников происходила ежемесячно. В 1839 г. инспектор классов указывал преподавателям на необходимость как можно чаще проводить «репетиции» и выставлять за них оценки в классные журналы[21]. Но со временем Совет училища пришел к выводу, что эти аттестации бесполезны, поскольку не дают представления о знании воспитанниками предмета в целом. И было принято решение оставить только полугодовые и годовые экзамены[22].

Помимо оценки за успеваемость выставлялась также оценка и за поведение. К воспитанникам училища предъявлялись повышенные требования относительно их поведения не только в стенах учебного заведения, но и за ними. В выходные и праздничные дни воспитанник увольнялся из училища под надзор родственников, проживающих в Санкт-Петербурге. Самостоятельно разрешалось передвигаться по городу воспитанникам только первых трех классов, а также воспитанникам 4-го и 5-го класса, которым было оказано особое доверие. Увольняемым выдавался так называемый белый билет, который воспитанник всегда должен был иметь при себе «между 2 и 3 пуговицами и так, чтоб был виден (на один палец снаружи)»[23]. В нем содержалась информация о времени отпуска воспитанника[24]. Правилами были определены места, которые запрещалось посещать даже с родственниками — кондитерские, трактиры, пассаж. В театре и цирке воспитанники могли находиться только в ложе, причем им запрещалось хлопать и вызывать играющих, необходимо было также воздерживаться от громких разговоров. Особые требования предъявлялись к поведению

воспитанников во время публичных гуляний, в частности им необходимо было «избегать шумных разговоров, <...> вести себя с осторожностью»[25].

Училище заботилось не только о моральном облике воспитанников, но и об их состоянии здоровья. Согласно «Правилам, которыми должны руководствоваться воспитанники Училища во время каникул», им предписывалось купаться только в безопасных местах, в присутствии провожатого, до принятия пищи или не ранее чем через 3 часа после ее приема, при этом тело не должно было находиться в испарине[26].

По окончании курса наук воспитанники удостаивались чинов 9-го, 10-го и 12-го класса. Интересно, что при определении общей оценки учитывался: а) средний балл за последние три года по всем учебным дисциплинам; б) оценка за поведение за два последних года; в) результат последнего выпускного экзамена.

Как видно из изложенного, в училище были созданы все условия для подготовки квалифицированных кадров для судебной системы. Практическая направленность обучения способствовала реализации цели, ради которой оно создавалось. Училище правоведения было специальным учебным заведением, где не только учили, но и воспитывали. Поведение воспитанников подробно регламентировалось как в урочное, так и в каникулярное время. К получению положительной оценки за поведение стремились все воспитанники, так как в том числе и от нее зависело получение классного чина после окончания училища. Закрытость учебного заведения должна была оградить молодые неокрепшие души от внешнего влияния. Семилетний процесс обучения должен был способствовать воспитанию служащего, преданного своему делу, честного и некорыстолюбивого.

Как в любом механизме, в образовательном процессе существовали сбои. Тем не менее возможные ошибки со стороны руководства и профессорско-преподавательского состава не помешали училищу подготовить значительное количество кадров для судебной системы, многие из которых составили славу российской юриспруденции и много сделали для осуществления так необходимой в Российской империи судебной реформы.

Кроме того, заслуга училища состоит и в том, что оно не мешало воспитанникам развивать свои таланты. Композитор П. И. Чайковский, литераторы И. С. Аксаков, А. М. Жемчужников, В. В. Стасов, А. Н. Апухтин, ученые Д. А. Ровинский и В. О. Ковалевский — все они воспитанники Училища правоведения.

---

1 *Уортман Р. С.* Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / Авториз. пер. [с англ.] М. Д. Долбилова при участии Ф. Л. Севастьянова. М.: НЛО, 2004. С. 115.

2 ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанский). Д. 2144. Л. 2.

3 Расписание кафедр в университетах. Комитет устройства учебных заведений // РГИА. Ф. 737 (Комитет устройства учебных заведений). Оп. 1. Д. 158. Л. 2, 10.

[4] Полвека назад. Первые годы училища правоведения в С.-Петербурге. Издал один из 1407 кончивших в оном курс, выпуска 1845 г. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1892. С. 29.
[5] *Арсеньев К.* Воспоминания об училище правоведения // Русская старина. 1886. № 4. С. 216.
[6] Императорское училище правоведения. Дело Совета. О приеме воспитанников в Университет // ЦГИА СПб. Ф. 355 (Императорское училище правоведения). Д. 4497. Л. 2.
[7] Императорское училище правоведения. Дело по части директора. Приказы преподавателям 1839 и 1840 годов // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4155. Л. 10.
[8] Императорское училище правоведения. Дело Совета. Об определении приватного преподавателя уголовного судопроизводства г-на Кони // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4399. Л. 5.
[9] Императорское училище правоведения. Приказы по училищу (1912) // ЦГИА СПБ. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4523. Л. 5.
[10] Полвека назад. С. 36–37.
[11] Императорское училище правоведения. Дело Совета. О доставлении от Министра юстиции из архивов разных присутственных мест решенных дел для преподавания воспитанникам практического производства // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4150. Л. 4, 6, 10, 29.
[12] ЦГИА СПб. Ф. 355. Д. 4497. Л. 7.
[13] Там же. Л. 8.
[14] Императорское училище правоведения. Дело Совета. Об определении сына статского советника, Победоносцева Константина. 1841–1916 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 2411. Л. 1.
[15] Императорское училище правоведения. Дело Совета. Об определении сына коллежского советника Горемыкина Ивана // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 853. Л. 1.
[16] Формулярный список о службе тов. министра юстиции и бывш. обер-прокурора 2-го департамента Сената и «сведения о личном, семейном и имущественном положении Горемыкина И. Л. (на 1890 г.)» // РГИА. Ф. 1626 (И. Л. Горемыкин). Оп. 1. Д. 9. Л. 13.
[17] *Арсеньев К. К.* Воспоминания об училище правоведения. С. 220.
[18] Записка Павла Степановича Федорова о баллах воспитанников Училища правоведения, правила приема, инструкция воспитателям, различные бланки (рапорта, ведомости и т.п.) училища. 1840 г. // РГИА. Ф. 1074 (П. С. Федоров). Оп. 1. Д. 15. Л. 18.
[19] *Стасов В. В.* Училище правоведения сорок лет тому назад 1836–1842 гг. // Русская старина. 1880. № 12. С. 1017.
[20] РГИА. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 15. Л. 49–50.
[21] ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4155. Л. 1.
[22] Императорское училище правоведения. Дело Совета. По отношению Александровского лицея о доставлении сведений о правилах, коим руководствуется училище при выпуске воспитанников // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4310. Л. 3.
[23] РГИА. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 15. Л. 22.
[24] Там же. Л. 23.
[25] Там же. Л. 20.
[26] Там же.

References

ARSEN`EV K. Vospominaniya ob uchilishhe pravovedeniya [Memories of school of jurisprudence. In Russ.] // Russkaya starina. 1886. N 4.

Polveka nazad. Pervy`e gody` uchilishha pravovedeniya v S.-Peterburge. Izdal odin iz 1407 konchivshix v onom kurs, vy`puska 1845 g. [Half a century back. The first years of school of jurisprudence in St.-Petersburg. In Russ.] St Petersburg: Tip. E. Evdokimova, 1892.

STASOV V. V. Uchilishhe pravovedeniya sorok let tomu nazad 1836–1842 gg. [School of jurisprudence forty years ago, 1836–1842. In Russ.] // Russkaya starina. 1880. N 12.

UORTMAN R. S. Vlastiteli i sudii: Razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoj Rossii [Development of legal consciousness in imperial Russia. In Russ.] / Avtoriz. per. [s angl.] M. D. Dolbilova pri uchastii F. L. Sevast`yanova. M.: NLO, 2004.

Список литературы

Арсеньев К. Воспоминания об училище правоведения // Русская старина. 1886. № 4.

Полвека назад. Первые годы училища правоведения в С.-Петербурге. Издал один из 1407 кончивших в оном курс, выпуска 1845 г. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1892.

Стасов В. В. Училище правоведения сорок лет тому назад 1836–1842 гг. // Русская старина. 1880. № 12.

Уортман Р. С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / Авториз. пер. [с англ.] М. Д. Долбилова при участии Ф. Л. Севастьянова. М.: НЛО, 2004.

И. В. Олимпиева. Особенности процесса обучения и воспитания в Императорском Училище правоведения

Статья посвящена деятельности Императорского Училища правоведения. Процесс обучения и воспитания в училище имел свои особенности. Учебная программа отличалась от университетской, имела профессиональную направленность и служила цели подготовки квалифицированных кадров для судебной системы. Теоретические занятия сочетались с практическими. Для проведения практических занятий из Министерства юстиции, архивов присутственных мест в Училище поступали решенные дела. Большое внимание уделялось воспитанию будущих юристов. Закрытость учебного заведения создавала условия для сосредоточения воспитанников на учебе.

Ключевые слова: подготовка кадров, судебная система, Императорское Училище правоведения, Устав, закрытое учебное заведение, воспитанники, преподаватели.

I. V. Olympieva. The features of the process of training and education in the Imperial school of jurisprudence

The article is devoted to the activities of the Royal law school. The process of training and education at the school had its own peculiarities. The curriculum was different from university, had a professional focus and has served the purpose of training qualified personnel for the judicial system. Theoretical classes combined with practical. For practical training from the Ministry of justice, archives of government offices in College have been recieved solved cases. The management of the school also paid attention to the education of young people. They sought to raise the moral public servants who faithfully serve to the state. This was facilitated by the closeness of the institution, creating conditions for concentration of students on studies.

Key words: training personnel for the court system, legal education, the Royal law school, Regulations, boarding school, students, lecturers.

Олимпиева, Ирина Владимировна — старший преподаватель кафедры «Транспортное право», Государственный университет гражданской авиации.

Olympieva, Irina Vladimirovna — Tutor of Transport law department, State University of Civil Aviation.

E-mail: wubornova@yandex.ru